

УДК 821.111-95

ОБРАЗ И МИФ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О РОССИИ

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры,

декан факультета современных иностранных языков и литератур

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

В рецензии на монографии Л.Ф. Хабибуллиной «Миф России в современной английской литературе» (2010) и С.Б. Королевой «Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов)» (2012, 2014) подчеркиваются не только широкий охват и большой объем анализируемого материала, посвященного восприятию России и русских в британской (английской) литературе и культуре, но и актуальная постановка методологических проблем современной имагологии. К ним относятся соотношение национального и инонационального, специфика культурного мифа и художественного образа, механизмы их исторического изменения и сохранения стереотипов. Особый интерес и дискуссию вызвал анализ значительных произведений XIX–XX вв., обратившихся к России и русским («Время ангелов» А. Мердок, «В Эрмитаж» М. Брэдбери).

Ключевые слова: британская английская литература; рецепция; миф о России; имагология; художественный образ.

Впервые изданная в 1995 г. книга Н.П. Михальской «Образ России в американской художественной литературе IX–XIX вв.» (перездана в 2003 г.) стала прецедентным текстом для многих исследований [Дегтярева 2001; Киринозе 2002; Феклин 2005; Орехов 2008; Поляков, Полякова 2013]. Среди них выделяются монографии Л.Ф. Хабибуллиной «Миф России в современной английской литературе» (2010 г.) и С.Б. Королевой «Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов)» (первое издание – 2012 г., второе – 2014 г.). В заключительной главе своей книги Н.П. Михальская, используя структурно-семантический метод, убедительно показывает мифологический характер образа России в английской литературе изучаемого ею периода: «На основании сделанных наблюдений можно заключить, что образ России в художественной литературе Англии обладает выраженным мифологическим характером со

многими свойственными именно мифу чертами: контрастностью противопоставлений (оппозиций) отдельных смысловых элементов, немногочисленностью и внутренней нерасчлененностью этих элементов при их отчетливой структурной выраженности, дискретности и постоянстве связей между ними, высокой стабильностью, если не неподвижностью структуры, сохранившей основной набор элементов и связи между ними на протяжении почти десяти столетий» [Михальская 1995: 151].

Л.Ф. Хабибуллина и С.Б. Королева в своих монографиях используют это положение, применяя его к новому материалу, что позволяет им сделать новые наблюдения. Так, Л. Хабибуллина утверждает, что в английской литературе второй половины XX столетия миф о России «становится историей с началом и концом, включающим миф о происхождении, “золотом веке”, национальной катастрофе, эсхатологический миф»

[Хабибуллина 2010: 190]. Исследователь обоснованно делает акцент на переосмыслении цивилизаторских стереотипов, политическом дискурсе и хронотопе путешествия. «Воображаемое национальное» России в английской литературе моделируется на оппозициях: «от “дикой” России до идеальной, воплощающей все лучшие черты западного человека, но лишенной его недостатков, от “страшной” России, ассоциирующейся с тоталитаризмом и насилием, до “смешной”, которая может годиться только для комедии, от нецивилизованной России до России высокой культуры, от не стоящей внимания России до сильной и пр.» [там же: 10].

С.Б. Королева предвдывает свою монографию обстоятельной теоретической главой и исследует «инонациональный» миф с опорой на миф «национальный». Отталкивание от понимания «своего» при выработке стратегии понимания «чужого» прослеживается автором на всех этапах формирования и развития мифа о России в британской (главным образом, английской) литературе. С.Б. Королева удачно сочетает монографический и типологический подходы, привлекает исторический контекст в главу об английской «россике» XIX в., весьма противоречивого с точки зрения англо-русских отношений. Это был век, когда две страны были, с одной стороны, необычайно близки (эпоха наполеоновских войн), а с другой – военными противниками (Крымская война 1853–1856 гг.) и соперниками в международной политике и имперских амбициях (знаменитая «Большая игра» конца XIX–XX в. и агрессивная английская русофобия времен балканских войн и «Берлинского мира» 1878 г.). Автор монографии по-новому смотрит на байроновский миф о России, приводя много интересных и глубоких наблюдений. Вместе с тем нам не хватило вписывания привлекаемых к анализу произведений английских писателей и поэтов (в частности, поэмы Браунинга «Иван Иванович») в общую идеологию викторианства как социокультурной целостности (о ее специфике и отражении в культуре и литературе позапрошлого века см.: [Проскурнин 2009 и др.]). К сожалению, не освещена специфика обращения к русским образам и теме России классиков английской прозы XIX в. – Диккенса, Теккерея, Дж. Элиот и др., что могло бы существенно обогатить размышления об английской «россике» как тогдашнего, так и нынешнего времени.

Основным результатом исследования С.Б. Королевой можно считать вывод о бифуркационных изменениях в восприятии русского мира западным культурным сознанием на рубеже XIX–XX вв. и о появлении нового слоя мифа о России в британской культуре при сохранении

элементов других слоев. Эта переоценка была связана, в первую очередь, с обнаружением в русском «своего» христианского [Королева 2014: 149]. Принципиальную роль сыграли и два политических фактора: «связывание (отождествление) русского революционно-демократического движения с английскими демократическими институтами и английской демократической идеологией, а также с их влиянием на русское общество; и растожествление русского государства и русского народа» [там же: 150]. Большое значение для появления моды на все русское в Великобритании 1890–1920-х гг. имела русская литература (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов) [там же: 188–189].

Справедливость вывода о переломе в отношении к России и русским на рубеже XIX–XX вв. подтверждается многочисленными работами российских и зарубежных исследователей русского в британской литературе и культуре. Так, в коллективной монографии «Россия в Британии 1880–1940: от мелодрамы к модернизму» [Beasley, Bullock 2013] расширение верхней границы исследуемого периода позволило обнаружить новое качество – роль русской и советской культуры в становлении британского модернизма в разных сферах искусства (музыка, танец, театр, кино) и других областях культуры (система образования, библиотеки и др.).

Постмодернистский период британской литературы и культуры, на наш взгляд, нуждается в более пристальном исследовании русского дискурса. Сложность такого рода исследований, вероятно, объясняется невозможностью дистанцироваться, незавершенностью процессов. Появляется ли в британской литературе второй половины XX в. принципиально новый слой мифа о России? Повлияла ли на него постмодернистская идеология, что изменилось в структуре мифа после «перестройки»? Можно ли начало XXI столетия отделить от конца предыдущего века? Какие произведения рубежа XX–XXI вв. можно считать наиболее значимыми для британского мифа о России, как соотносятся миф, образ и авторская поэтика?

С.Б. Королева убедительно показывает, что «в художественных образах русского мира, созданных в произведениях Р. Киплинга, Дж. Конрада, Б.Шоу, Г. Уэллса, В. Вулф, С. Моэма и менее известных писателей этого времени, элементы разных слоев мифа о России сосуществуют и своеобразно взаимодействуют со структурой образа и текста» [Королева 2014: 271]. Л.Ф. Хабибуллина, напротив, предполагает, что «в творчестве таких “элитарных” авторов, как А. Мердок, К. Эмис, И. Макьюэн, М. Брэдбери, П. Акройд, А. Картер, образы русских или даже

России чаще функциональны; то есть на месте России в некоторых романах вполне можно представить другую страну без ущерба для общей идеи, а на месте русского – другого национального “чужого”. Реализуя собственные концепции, эти авторы склонны в сложной художественной форме транслировать весьма стереотипные представления о России и обыгрывать их, не выходя, впрочем, за их пределы» [Хабибуллина 2010: 9]. Не затрагивая сложную проблему элитарного и массового в постмодернистской культуре, позволим себе вступить в дискуссию по поводу функциональности образа России и русских в литературно-художественном произведении.

На наш взгляд, в имагологических исследованиях образ России и русских часто «выступает автономным, самостоятельным специфическим членом в ряду соотносимых величин, но зачастую как величина мнимая, не совсем действительная, но заимствующая как бы в соседних сферах свои психологические и идеологические компоненты» [Гей 1983: 77]. Между тем художественный образ полисемантичен, неисчерпаем и динамичен. Например, в художественном мире романа М. Брэдбери «В Эрмитаж» (*To the Hermitage*, 2000) образ России неразрывно связан с образом Франции, а диалог Дидро с Екатериной II превращается во внутренний диалог героя с самим собой. Миф о России здесь тесно связан с мифом о статуе (см. об этом подробнее: [Бочкарева 2013]). Комический пафос романа распространяется не только на русских, но и на иностранных путешественников, в судьбе которых Россия играет значительную роль. Так, «французский гений» Фальконе, который «работает на Севрской фарфоровой фабрике и совсем не занимается скульптурой» [Bradbury 2001: 485], проявился только в конной статуе Петра I на Сенатской площади в Петербурге. Брэдбери сознательно обыгрывает стереотипы, отдавая дань русской и европейской литературе, и не случайно посвящает свой последний «роман культуры» путешествию в Россию.

На многоаспектном эстетическом уровне функционирует русское начало и в романе Айрис Мёрдок «Время ангелов» (*The Time of the Angels*, 1966), который обозначил перелом в творчестве автора: после него она решительно перешла на позиции Платона, а ее романы стали менее зависимыми от экзистенциалистских парадигм художественного мышления, в том числе и от идеи «жизненного капкана», в который неизбежно попадает человек как трагическая жертва абсурдности и давящей мистики необъяснимых обстоятельств жизни. В этом романе намечается возможное преодоление такой печальной зако-

номерности. И принципиально важно, что эта надежда оказывается связанной с образом русского человека, чья изначальная простота, наивность и открытость противопоставлены агрессивной и программной бесчеловечности ряда английских персонажей романа.

Здесь на «помощь» Мёрдок приходит интертекстуальность, явление, которое, на наш взгляд, часто не только идет за мифом и/или устоявшимся символом, но и переосмысляет и прецедентный текст, и укоренившиеся мифологемы. Например, совершенно определенно можно говорить об интертекстуальной связи этого романа Мёрдок и романа Достоевского «Братья Карамазовы»: идеи, реализованные русским гением в образе Ивана, отражены в образах Кэрела и отчасти Льва Пешкова; растлитель и философствующий циник Федор Павлович «процитирован» Мёрдок в пасторе-безбожнике Кэреле, а несущий в себе Бога Алеша – в Евгении Пешкове.

В определенной степени прочтение Мёрдок героев Достоевского, как и русских вообще, через призму демонизма, свойственное Западу, пронизывающее всю характерологическую, а значит, и сюжетную канву романа, весьма близко к устоявшейся к середине XX в. «мифологеме русскости». Но писательница гораздо более объемно видит русских, особенно тех, кто уже давно не живет в России и утратил с нею актуальную связь. Так, при прочтении романа сразу становится очевидным, что в нем доминирует мёрдокская «вариация» идеи Достоевского: «Если Бога нет, то все разрешено». Она отчетливо звучит в образе Льва (не случайно в нем, русском, акцентируется антирусскость, очевидная в его ненависти к отцу как русскому и в «эдиповом комплексе»), сюжетно подкрепляемых тягой к Мюриэл, в которой он видит прежде всего материнское начало, и любовью самой Мюриэл к его отцу).

Но особенно антирусскость звучит в отношении героя к православной иконе, принадлежавшей в свое время погибшей в нацистском концлагере матери, равно как и в ненависти ко всему русскому и России. В образе Кэреля идея нравственного коллапса из-за отсутствия Бога реализована на программном, осознанном уровне. Отсюда закономерно появление двух типов ангелов в романе с символическим названием: у Евгения – светлых (Святая Троица на его русской иконе), у Кэреля – темных, по большей мере падших, заменивших Бога в его системе духовных начал. Аморальность Фишера, воплощающая поддостоевски «вывернутый мир», еще более очевидна на фоне Пешкова, пусть даже и не фанатично верующего, а с «Христом в сердце» – наивного, чистого, открытого и очень русского.

Мёрдок вслед за Достоевским, но по-своему, утверждает: весьма опасна действительность, в которой человек рождается, наделенный «идеалами содомскими», т.е. различными фантастическими идеями, отделяющими его от столь необходимой в современном мире приближенности к «истинным ангелам» (см. гл. 6 и 7: [Murdoch 2001: 64–76]).

В соответствии с канонами жанра философского романа даже то, что Евгений – привратник в доме Фишеров, полно особого смысла: он действительно «открывает ворота» в другой, полный духовности, гармонии, нежности, искренности мир для Патти, когда Кэрел пресытился ею, и для Мюриел, когда отец начал гнать ее из дома.

С другой стороны, реализованные в образе Евгения Пешкова по-английски трактуемый консерватизм русского мышления и идея «несения духовного креста» [Murdoch 2001: 79] нравственно противопоставляются прогрессизму западного мышления, когда движение вперед важнее духовности: Мёрдок напряженно ищет источник высшей духовности в условиях истощенности прежних исторических путей Запада. Это еще раз подчеркивает глубинную связь романа Мёрдок с самым философским романом Достоевского – «Братья Карамазовы» – и русской культурой в целом, а также сложную диалектику стереотипного и новаторского, разрушающего привычные представления о русском и русскости.

Другой вопрос, который актуализируют авторы обеих монографий, касается связи национального и инационального мифов, а также их исторической изменчивости. Например, Л.Ф. Хабибуллина и С.Б. Королева, используя разный историко-литературный материал, приходят к противоположным выводам об отношении англичан к русской революции. «Начиная с 1917 г. и до конца 1930-х революция видится как закономерное восстание “праведного” народа против несправедного правительства» [Королева 2014: 271]. Во второй половине XX в. в английском мифе о России Октябрьская революция выполняет функцию «национальной катастрофы», которой предшествует «золотой век» – дореволюционная Россия [Хабибуллина 2010: 191]. Нетрудно заметить, что инациональный миф здесь полностью совпадает с национальным русским (советским) мифом на разных исторических этапах.

Таким образом, ценность и актуальность монографий Л.Ф. Хабибуллиной и С.Б. Королевой обусловлены не только охватом большого объема анализируемого материала, посвященного восприятию России и русских в британской (английской) литературе и культуре, но и постанов-

кой методологических проблем современной имагологии. К ним относятся соотношение национального и инационального, специфика культурного мифа и художественного образа, механизмы их исторического изменения и сохранения стереотипов. Рассматриваемые книги уже вызвали и еще вызовут широкий резонанс в читательской среде, включающей не только филологов, специалистов по британской (в частности английской) литературе, но и других ученых.

Список литературы

Бочкарева Н.С. Экфрастический дискурс в романе М. Брэдбери «В Эрмитаж» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1(21). С. 140–145.

Дегтярева В.В. Образ России в немецких путевых заметках XVIII века. Саратов: «Надежда», 2001. 111 с.

Кирнозе З.И. Россия и Франция: диалог культур: Статьи разных лет. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2002. 271 с.

Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2012. 258 с.

Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: Директ-Медиа, 2014. 314 с.

Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: МПГУ, 1995. 152 с.

Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: Лит. институт им. А.М.Горького, 2003. 132 с.

Орехов В.В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. 200 с.

Поляков О.Ю. Полякова О.А. Имагология: Теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. 162 с.

Проскурнин Б.М. Новый человек и новое время в романе Шарлоты Бронте «Джейн Эйр» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 4. С. 51–62.

Феклин М.Б. The Beautiful Genius. Тургенев в Англии: первые полвека. Oxford: Perspective Publications, 2005. 240 с.

Хабибуллина Л.Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань: Казан. ун-т, 2010. 206 с.

Beasley R. & Bullock Ph. R., ed. Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Oxford: Oxford University Press, 2014. 309 p.

Bradbury M. To the Hermitage. London: Picador, 2001. 498 p.

Murdoch I. The Time of Angels. London: Vintage, 2001. 242 p.

References

Beasley R. & Bullock Ph. R., ed. Russia in Britain, 1880-1940: From Melodrama to Modernism. Oxford: Oxford University Press, 2014. 309 p.

Bochkareva N. S. Ehkfrasticheskiy diskurs v romane M. Bradbury *To the Hermitage* [Ekphrastic discourse in M. Bradbury's novel *To the Hermitage*]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 1(21). P. 140–145.

Bradbury M. To the Hermitage. London: Picador, 2001. 498 p.

Degtjareva V.V. Obraz Rossii v nemetskikh putevykh zametkakh XVIII veka [The Image of Russia in German Travel Writings of the XVIIIth century]. Saratov: Nadezhda Publ., 2001. 111 p.

Feklin M.B. The Beautiful Genius. Turgenev v Anglii: pervye polveka [The Beautiful Genius. Turgenev in England]. Oxford: Perspective Publications, 2005. 240 p.

Khabibulina L.F. Mif Rossii v sovremennoj anglijskoj literature [Myth of Russia in Contemporary English Literature]. Kazan, 2010. 206 p.

Kirnoze Z.I. Rossiya i Frantsiya: dialog kul'tur [Russia and France: the Dialogue of Cultures]. Nizhny Novgorod, 2002. 271 p.

Koroljova S.B. Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-kh gg.) [Myth of Russia in British Culture and Literature (up to the 1920s)]. Nizhny Novgorod, 2012. 258 p.

Koroljova S.B. Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-kh gg.) [Myth of Russia in British Culture and Literature (up to the 1920s)]. M.: Direkt-Media, 2014. 314 p.

Mikhal'skaja N.P. Obraz Rossii v anglijskoj khudozhestvennoj literature IX-XIX vv. [The Image of Russia in English Fiction in the IX-XIXth centuries]. M.: MPSU Publ., 1995. 152 p.

Mikhal'skaja N.P. Obraz Rossii v anglijskoj khudozhestvennoj literature IX-XIX vv. [The Image of Russia in English Fiction in the IX-XIXth centuries]. M.: Literaturnyj Institut Publ., 2003. 132 p.

Murdoch I. The Time of Angels. London: Vintage, 2001. 242 p.

Orekhov V.V. Mif o Rossii vo frantsuzskoj literature pervoj poloviny XIX veka [The Myth of Russia in French Literature in the first half of the XIXth century]. Simferopol, 2008. 200 p.

Poljakov O.Ju., Poljakova O.A. Imagologija: Teoretiko-metodologicheskie osnovy [Imagology: Theoretical and Methodological Foundations]. Kirov, 2013. 162 p.

Proskurnin B.M. Novyj chelovek i novoe vremja v romane Sharloty Bronte "Dzhejn Ehjr" [New Individuality and New Age in Charlotte Brontë's *Jane Eyre*]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2009. Iss. 4. P. 51–62.

IMAGE AND MYTH IN ENGLISH LITERATURE ABOUT RUSSIA

Nina S. Bochkareva

Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

Boris M. Proskurnin

Professor
Head of the Department of World Literature and Culture
Dean of the Modern Languages and Literatures Faculty
Perm State University

The essay reviews two monographs on Russia's reception in English literature: Lilia Khabibulina's «Myth of Russia in Contemporary English Literature» (2010) and Svetlana Korolyova's «Myth of Russia in British Culture and Literature (up to the 1920s)». It is shown that both monographs are characterized by wide scope of materials studied as well as by setting the most essential issues of modern imagology. The review reveals the ways the monographs deal with the aspects of national and foreign, cultural myths and artistic images, genesis and development of stereotypes and polemics with them.

Key words: British and English literature; reception; myth of Russia; imagology; artistic image.